

Виктор Козодой

Стихия или заговор?

Организационно-управленческий аспект российской революции 1917 г.

Victor Kozodoi (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)

Element or conspiracy?

Organizational and Administrative Aspect of the Russian Revolution of 1917

DOI

Юбилеи Великой революции в России 1917 г. всегда вызывали всплеск общественного интереса к её истории. Тем не менее обобщающих трудов по данной проблематике издано не так много¹. Свободная и активная дискуссия о тех событиях и посвящённые им дебаты не вызвали в обществе сколько-нибудь заметной напряжённости. Историки, политологи, социологи и культурологи существенно продвинулись в разработке темы, и есть все основания считать, что всплеск интереса к ней не является лишь «юбилейным».

В последние годы наряду с научно-публицистическими трудами стали выходить работы, в которых предпринимались попытки подвести определённые итоги исследований по проблеме изучения и нового прочтения огромного фактического материала по теме². К ним, несомненно, относится публикация известного историка В.П. Булдакова «Революция, которую мы выбираем. Итоги и перспективы “юбилейного” бума». Обращает на себя внимание фундаментальность подхода Булдакова к оценке усилий его коллег, а также эрудиция и стремление к новизне самого автора. Его работа заставляет многих учёных ещё раз обратиться к ключевым моментам истории революции и отражению этого процесса в современной научной литературе. Безусловно, рассуждения на эту тему помогут историкам сформировать новые подходы к её изучению. Однако целесообразно подойти к анализу статьи Булдакова не только с комплементарных, но и с критических позиций.

¹ См., например: *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967; *Зародов К.И.* Три революции в России и наше время. М., 1977; *Миц И.И.* История Великого Октября. Т. 1. М., 1977; и др.

² *Вада Х.* Февральская революция: новая концепция японских историков // Политическая история России. М., 2018. С. 531—541; Великая Российская революция, 1917: 100 лет изучения. Сборник трудов конференции. Москва, 9—11 октября 2017 г. М., 2017; *Колоницкий Б.И.* Юбилейный год и историки революции // Российская история. 2018. № 1. С. 181—187; Критический словарь русской революции: 1914—1921. Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 9—11 июня 2016 г.). СПб., 2014; *Николаев А.Б.* Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года. Т. 1—2. СПб., 2017; *Пантин И.К.* Русская революция. Идеи, идеология, политическая практика. М., 2015; *Петров Ю.А.* Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 3—16; *Пихоя Р.Г.* Революция в России: 1917 и 1991 // Новая и новейшая история. 2018. № 3. С. 189—206; Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. Т. 1—2. М., 2017; *Сахаров А.Н.* «Растопанный Февраль» (воспоминания) // Вопросы истории. 2017. № 4. С. 92—105; *Согрин В.В.* Русская революция 1917 года и перипетии мировой истории // Новая и новейшая история. 2017. № 3. С. 3—28; *Фельдман М.А.* В преддверии столетия Октябрьской революции. Некоторые итоги исторических исследований // Общественные науки и современность. 2017. № 2. С. 64—73; *Шелохаев В.В., Соловьёв К.А.* Февраль в тени Октября (историографические итоги и исследовательские задачи) // Российская история. 2018. № 1. С. 161—171; Эпоха войн и революций 1914—1922. СПб., 2017.

Ранее в написанной в соавторстве с Т.Г. Леонтьевой книге (с ней статья во многом перекликается) Булдаков отмечал: «Задача историка — не только рассказать о событиях, но и показать, что таилось под их видимой поверхностью. Он обязан разглядеть то, что невозможно было увидеть его “героям”, и не тащиться в хвосте благоглупостей прошлого»³. Принципиально соглашаясь с авторами, хотелось бы рассмотреть то, что «таилось под видимой поверхностью» и во многом, а то и вовсе осталось за пределами внимания учёных.

Булдаков утверждает: и в XXI в. исследователи пытаются оценивать революцию XX столетия на основе представлений XIX в.; «новшество» заключается лишь в том, что в событиях 1917 г. «кое-кто» пытается уловить черты «цветных революций». Подвергнув критике данную позицию, автор указывает, что она — «плод воображения» суесливых политологов, причём всё это «непродуктивно» и не что иное как «конспирологические открытия». Другими словами, историк не приветствует какого-либо научного поиска в этом направлении.

Но возникает вопрос: что делать этим «кое-кто», если даже Д. Шарп⁴, которого называют «идеологом цветных революций» и «Макиавелли ненасильственной борьбы»⁵, очень многое почерпнул в процессе изучения Февральской революции. Он заявил: «Великая история ненасильственного сопротивления в России против царизма и сталинизма — очень впечатляет. Я очень многому научился у русских»⁶. Анализируя предложенные Шарпом 198 методов ненасильственных действий и сопоставляя их с контентом февраля 1917 г. в России, обнаруживаем не менее 90 совпадений. При этом надо иметь в виду, что оставшиеся методы (чуть больше сотни) не попали в число используемых лишь потому, что были выработаны применительно к другой эпохе.

Подчеркну и то, что многие исследователи нередко стараются отрицать использование огромного массива ненасильственных методов борьбы в революции, указывая на доминирование насильственных. Булдаков задаётся тем же вопросом: где источник насилия? Но вспомним хотя бы упомянутого им К. Маллапарте. В своей книге тот описал, что случилось с английским писателем И. Зангвиллом — свидетелем «революции Муссолини» в Италии в октябре 1922 г. Англичанин не поверил, что попал «в самый разгар революции... он не понимал, как можно совершить революцию без баррикад, без уличных боёв, без горы трупов на тротуарах»⁷.

Многие авторы посвящённых российской революции исследований тоже нередко игнорировали факты широкого и активного использования ненасиль-

³ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015. С. 20.

⁴ Шарп Д. Ненасильственная борьба: лучшее средство решения острых политических и этических конфликтов? // Философия науки. 1990. № 11. С. 78—83; Шарп Д. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. М., 2012.

⁵ Аббасов Р.Г. Джин Шарп: политологический плагиат или «классика цветных революций» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2016. Т. 38. № 24(245). С. 135—140; Кбеза Дж. О «цветных революциях» // Альтернатива. 2016. № 4. С. 15—18; Мусиенко Т.В., Лукин В.Н., Груздев Р.В. Власть и ненасильственная борьба в теории Джина Шарпа // Credo new. 2018. № 2(94). С. 11; Пономарёва Е.Г. Секреты «цветных революций» // Свободная мысль. 2012. № 1—2. С. 87—98; № 5—6. С. 38—48; Пономарёва Е.Г. Почему «цветная революция» не революция? // Революция в отечественной и мировой истории: к 100-летию Российских революций 1917 г. СПб., 2017. С. 289—294; Почепцов Г.Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. М., 2013; Почепцов Г.Г. Гражданское самбо. Как противостоять «цветным революциям». М., 2005; Соловей В.Д. Revolution! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М., 2016.

⁶ Бандаков П. «Идеолог «цветных революций» о русском следе своего метода» (URL: <https://bbc.com>).

⁷ Маллапарте К. Техника государственного переворота. М., 1988. С. 67—68.

ственных методов. В итоге их просто не изучали. За долгие десятилетия в отечественной историографии сформировалось представление о том, что революция практически всегда сопровождается волной насильственных действий, вооружённой борьбой, восстанием, баррикадами. В этой связи в общественном сознании остался привычный образ — матрос и рабочий, которые тащат пулемёт. Подобный взгляд на революционные события предполагал рассмотрение ненасильственных действий как второстепенных, причём делалось это вопреки свидетельствам их участников и очевидцев, которые называли Февральскую революцию «Великой⁸, бескровной⁹», имея на то серьёзные основания.

В результате такого понимания революционного процесса многие авторы оказались в логической ловушке: анализируя методы работы политических партий, общественных (самодетельных) организаций, либо их лидеров, других акторов, но не находя в их практиках методов насильственной или вооружённой борьбы, тут же объявляли их неревolutionными. Например, как А.И. Гучков мог быть «архитектором революции», если он так и не создал ни одного вооружённого отряда для захвата императорского поезда, самого самодержца¹⁰; какой же он революционер, если не организовал штурма Зимнего дворца, Ставки или Царского Села! Авторы не могут осознать, что при использовании ненасильственных методов борьбы не требуется штурма главных «твердынь режима» в прямом смысле этого слова, поскольку «работают» принципиально иные технологии¹¹.

Проанализируем ещё одну проблему, которую поставил Булдаков, — о многопартийности и роли партий в России. Он дал жёсткие оценки: «российская многопартийность оказалась мертворождённой», а деятельность партий — всего лишь показатель развала империи, а не консолидации общественных сил. Не соглашусь с этим тезисом. На мой взгляд, важно понять, что вкладывается в понятия «многопартийность» и «политические партии». Как известно, партии были разные, и стоит ли к оценкам их работы применять одни и те же критерии? Действовали партии парламентские и непарламентские, легальные и нелегальные, кадровые и массовые. Легальные партии, а тем более парламентского типа, создавались как машина для участия в избирательных кампаниях в Государственную думу, продвижения и избрания своих кандидатов. Такие партии работали не с населением в целом, а лишь со своими избирателями, целевым электоратом. Они не ставили перед собой задачи консолидировать все российские общественные силы, а старались сплотить по какому-либо признаку определённую часть избирателей.

Поэтому российская многопартийность получила сильные импульсы к развитию и вполне соответствовала исторической задаче. С 1906 по 1912 г. были проведены четыре полномасштабных избирательных кампании по выборам в Государственную думу, избраны четыре её состава¹², которые функционировали

⁸ Яковенко Б.В. История Великой русской революции. М., 2013; Новое время. 1917. 28 апреля; Русская воля. 1917. 5 марта; День. 1917. 5, 7 марта.

⁹ Аксёнов В.Б., Булдаков В.П. Миф о «бескровной революции» // Российская революция 1917 года: власть... Т. 2. С. 344—345; Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 166; Соловьёв К.А. Временное правительство в политической системе России // Российская революция 1917 года: власть... Т. 1. С. 462; Речь. 1917. 5 марта; День. 1917. 5 марта.

¹⁰ Шубин А.В. Великая российская революция. М., 2014. С. 104.

¹¹ Соловей В.Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. М., 2015. С. 18—28, 35—36, 51, 75—93.

¹² Гайда Ф.А. Власть и общественность: диалог о пути политического развития (1910—1917). М., 2016. С. 31—63; Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. М., 2001; Дёмин В.А. Го-

на фракционной основе. Некоторые общероссийские партии даже в эмиграции сохранили в том или ином виде свою жизнедеятельность, продемонстрировав способность к организационному возрождению¹³. Следует также подчеркнуть, что партийные деятели того времени имели серьёзную теоретическую базу для практической деятельности. В частности труды известного российского учёного М.Я. Острогорского¹⁴ активно использовали крупные политические деятели, например, В.И. Ленин¹⁵.

Вовсе не из-за малоэффективности пресеклась российская многопартийность, её прервали насильственно — в ходе Гражданской войны¹⁶. Парламентские партии создавались в определённое историческое время, в конкретной политической обстановке и на основе соответствующей законодательной базы. Только так они и могли функционировать. Стоит ли удивляться тому, что, как отмечает Булдаков, «политические партии России отлетели, как пустая шелуха, от реалий революции уже к лету 1917 года». Такой исход был вполне закономерен, поскольку сменилась политическая атмосфера, и в её новых реалиях партиям старого типа просто не осталось места. Отсюда следует: попытки изучения их деятельности только как акторов революции явно суживают проблематику и не отражают обстановки того времени. «Революция оказалась не только стихийной, но и беспартийной», — отмечал ранее Булдаков¹⁷.

Но разве партии являются единственным институциональным актором политического процесса? Сводить его анализ только к изучению роли партий означает зайти в тупик, надо исследовать весь «ассортимент» субъектов этого процесса: государственные, муниципальные и общественные (самодеятельные) структуры, парламентские фракции и группы, СМИ, группы давления, влияния и др.

Исследователи, руководствуясь парадигмой, что общество делится на классы, а те возглавляют передовые отряды (партии), не находя следов их активной деятельности в феврале 1917 г., волей-неволей приходят к выводу о стихийности происходившего. Традиционная историография вообще не рассматривала буржуазные партии как силу, действовавшую в Феврале (в соответствии с идеологическими догматами российская буржуазия изначально объявлялась «трусливой»¹⁸ и «нереволюционной»). На мой взгляд, такой подход малопродуктивен в исследовании деятельности иных акторов, в частности общественных организаций, а также форм и методов их работы, усилий их лидеров. В целом изучение организационно-управленческого аспекта революционного процесса является весьма перспективным.

сударственная дума России (1906—1917): механизм функционирования. М., 1996; *Дякин В.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. М., 1988; *Рыбка О.М.* Государственная Дума в системе власти России в начале XX века. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001; *Соловьёв К.А.* Законодательная и представительная власть в России. М., 2011. С. 145—148.

¹³ *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграция. М., 2015. С. 699—730.

¹⁴ *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. М., 1997.

¹⁵ *Ленин В.И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский // *Ленин В.И.* ПСС. Изд. 5. Т. 37. С. 338.

¹⁶ *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. С. 273—276; *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия...; *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 72—74.

¹⁷ *Булдаков В.П.* Красная смута. М., 2010. С. 120.

¹⁸ *Миц И.И.* История Великого Октября. Т. 1. С. 401.

Сегодня вне исследования остаётся вопрос о формах взаимодействия различных политических сил накануне и в ходе революции — некий прообраз «единого фронта». Как известно, ещё осенью 1904 г. в Париже состоялась конференция представителей российских «оппозиционных» сил и революционных партий. При этом, судя по составу её участников, присутствовали и члены террористических групп. П.Н. Милюков, вспоминая конференцию, писал «о вступлении в правильные отношения с политическими партиями» и о «форме единения социалистов и либералов»¹⁹. Главное, что здесь были выработаны общие принципы взаимодействия разнородных сил («единый фронт», который просуществовал до свержения царизма) и, по словам В.М. Чернова, сформулированы такие подходы: «1. У нас у всех общий враг — царский абсолютизм и 2. Нужно усвоить двусторонний лозунг: “Врозь идти и вместе бить”»²⁰.

Изучение данного вопроса даёт несколько иное понимание характера организации революционных процессов. Политические партии объединяются вокруг того или иного стержня (программы, идеологии, лидеров), что и является основой их деятельности. «Единый фронт» — это результат объединения не за, а против чего- или кого-либо. Поэтому, оставляя вне зоны внимания подобные формы работы и взаимодействия, концентрируясь только на партиях и не находя результатов их деятельности, мы существенным образом деформируем картину исторических событий.

Ещё одна малоизученная проблема историографии связана с системой и принципами управления политическими процессами в начале XX в. До сих пор многие исследователи, соприкасавшиеся с бюрократической средой и её вертикалью «сверху вниз», иной системы не представляют. Видимо, под влиянием этих обстоятельств Булдаков рассматривает политику как жёстко управляемый «сверху» процесс. Чаше всего при этом подразумевается наличие единого центра управления и принятия решений, некий штаб, который руководит низовыми структурами (вертикаль управления), во главе с единоличным лидером («вождём революции»). Именно из такого центра якобы исходят директивы, исключительно (или, по крайней мере, в большинстве) в письменном виде. Но в политической практике очень часто речь идёт не о вертикали, а о множестве горизонтальных или сетевых структур²¹, причём это не является изобретением нашего времени, а имеет многовековую историю, что, однако, мало кто из исследователей пытается осмыслить.

Сетевая структура управления не имеет единого центра и работает на иных принципах²². В дореволюционной России успешно действовали сетевые структуры управления (вопреки иерархии вертикальных)²³. В феврале 1917 г. в эту систему входили самостоятельные, общественные организации, некоторые фракции Государственной думы, редакции газет, журналов, рабочие группы организаций и др. Здесь не было лидерского движения, но каждая ячейка сети,

¹⁹ Милюков П.Н. Из тайников моей памяти. М., 2015. С. 279, 283.

²⁰ Чернов В.М. Перед бурей. Нью-Йорк, 1953. С. 209—210.

²¹ Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000; Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2016; Мизякина О.Б. Междисциплинарный подход к анализу сетевых структур // Российское предпринимательство. 2013. № 12. С. 4—12; Рыжый Д.С. Сетевые структуры и политические организации // Социум и власть. 2013. № 3. С. 45—50; Сморгунов Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // Полис. Политические исследования. 2001. № 3. С. 103—112.

²² Коровин В.М. Главная военная тайна США. Сетевые войны. М., 2009. С. 51—60.

²³ Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964. С. 86; Самоорганизация российской общественности последней трети XVIII — начала XX в. М., 2011; Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М., 2014.

работая в привычных ей формах и самостоятельно принимая решения, выполняла единую задачу и действовала против общего врага.

При рассмотрении актуальной проблемы соотношения «стихийного» и «сознательного», «организованности в революции»²⁴ остаются нерешёнными многие вопросы. Но как только одни исследователи начинают говорить о степени «организованности» революционного процесса, как правило, сразу со стороны их оппонентов следуют обвинения в приверженности «теории заговора» и конспирологии (получается, что и обсуждать нечего). По моему мнению, не следует сводить любые формы «управления» революционными событиями лишь к заговору или конспирологии. Между двумя крайностями — стихией и заговором — расположены другие переходные варианты управления: в кризисной ситуации, антикризисное, хаосом. С этих позиций также нужно исследовать вышеупомянутую тему.

Рассмотрим такой, казалось бы, не дискуссионный вопрос, как системный кризис и его переход в революционную ситуацию. Булдаков выделил составляющие кризиса: этическую, идеологическую, политическую, организационную, социальную, охлократическую и рекреационную. Остановимся на кризисе политическом. Он довольно часто бывает искусственным, рукотворным, организованным, вызванным действиями политических конкурентов, причём с использованием легальных, парламентских и непарламентских методов. Происходившее в России осенью 1916 г. — марте 1917 г. (в том числе и деятельность Государственной думы) дают представление о том, как «раскачивалась ситуация» и провоцировался данный кризис.

Нельзя обойти и проблему перерастания его или революционной ситуации в революцию. Никто не оспаривает того, что такой переход происходит далеко не всегда. В научной литературе часто цитируют американского историка Ч. Тилли, который подсчитал, что в Европе за полтысячелетия (1492—1991) было 707 революционных ситуаций, но при этом революции произошли лишь несколько раз²⁵. Почему же именно в России, а не в какой-либо другой стране в феврале 1917 г. всё закончилось революцией? Какие тут сработали факторы? Весьма сомнительно, что это можно объяснить лишь давлением стихии масс, «революционным хаосом» (граната, например, сама по себе — кусок различных деталей и без запала не взорвётся; но даже если вставить в неё запал, то всё равно необходимо, чтобы кто-то выдернул чеку). Нужен субъективный фактор. И не стоит под ним подразумевать исключительно народ. Как объяснить, что в обстановке буйства революционной стихии в 1917 г. в составе Временного правительства оказались именно те личности, которых (за небольшим исключением) назвала оппозиционная пресса ещё в 1915 г.²⁶, и почему хаос не вынес «на поверхность» новых лидеров, не связанных с политическим классом России? Или это было совпадением?

²⁴ Ганелин Р.Ш. О происхождении февральских революционных событий 1917 г. в Петрограде // В России двадцатого века. М., 2014. С. 464—475; Коваленко Н.А. Стихийность и организованность в февральских событиях 1917 г. // Научный вестник МГТУ гражданской авиации. 2006. № 101. С. 12—16; Куликов С.В. Центральный военно-промышленный комитет и Февральская революция 1917 г. К вопросу о соотношении факторов организованности и стихийности // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. СПб., 2007. С. 243—271.

²⁵ Миронов Б.М. Благосостояние населения и революции в имперской России XVIII — начало XX в. М., 2012. С. 634.

²⁶ Утро России. 1915. 13 августа.

А создание Петросовета 27 февраля 1917 г. — это тоже результат действия стихии? Его создание расписано во многих исследованиях фактически по часам и минутам. Известно, что от организационного заседания временного исполкома Совета до его первого собрания ушло всего пять часов (14—19 ч)²⁷. При этом в самые сжатые сроки требовалось провести организационное собрание; подготовить соответствующее обращение; напечатать его текст в типографии и развезти тиражи на заводы и фабрики, находившиеся в разных частях города; создать бригады по расклейке необходимых объявлений, а затем раздать их (для этого найти людей, «вооружив» их инвентарём — вёдрами, клеем и др.), максимально всех оповестить; после этого рабочие и солдаты должны были провести собрания и выбрать своих депутатов, которых обязали приехать в Таврический дворец к семи часам вечера. Так как собрание Совета состоялось вовремя, напрашивается вывод: данное мероприятие было тщательно подготовлено.

Ещё один аргумент. Если всё-таки согласиться с тем, что создание Петросовета — результат стихии, то как объяснить, почему его возглавили не «вожди улицы», а, как и в ситуации с Временным правительством, «старые лица» — депутаты Государственной думы и руководители Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК). Снова совпадение? Тезис «не революционеры управляют ходом событий, а логика революции диктует им соответствующий образ действий» в данной ситуации тоже ничего не объясняет, тем более что процесс создания Советов в разных городах происходил по одной и той же схеме. Инициаторами выступали члены Рабочей группы ВПК, которые и возглавили Советы либо вошли в их руководство, например, в Петрограде — К. Гвоздев²⁸, в Москве — А. Никитин. Последний возглавил не только Рабочую группу московского ВПК, выступившую инициатором образования Временного революционного комитета, но и созданный вскоре на его основе Совет рабочих депутатов²⁹.

Похожая схема создания Совета сработала даже в далёком провинциальном Новониколаевске (Новосибирске): 3 марта 1917 г. по инициативе Рабочей группы ВПК и её секретаря В. Герман-Каменского под председательством последнего был сформирован Совет рабочих депутатов. Таким образом, вряд ли будет правильным утверждение о том, что в тот период создание Советов в российских городах происходило стихийно³⁰.

Для глубокого исследования рассматриваемой темы, на мой взгляд, необходимо изучать все факты не только с точки зрения того, *что* происходило, а, сделав упор на анализе конкретных форм действий, объяснение которых ранее историками игнорировалось. Это положение важно ещё и потому, что к февралю 1917 г. (начиная, как минимум, с 1905—1906 гг.) в России сложились две школы русских политических практик — условно «бюрократическая» и «кон-

²⁷ Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 212.

²⁸ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914—1917 гг.). 1917 год. Распад. М., 2015. С. 89; Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 212; Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. С. 76—77; Мстиславский С.Д. Пять дней. Начало и конец Февральской революции 1917. М., 2017. С. 27; Старцев В.И. 27 февраля 1917. М., 1984. С. 157—158; Черменский Е.Д. Вторая российская революция. — Февраль 1917. М., 1986. С. 125.

²⁹ Минц И.И. История Великого Октября. Т. 1. С. 541, 560—561.

³⁰ Дронин Г.Е. От Февраля к Октябрю // Воспоминания о революционном Новониколаевске (1904—1920 гг.). Новосибирск, 1959. С. 37—43; Первый советский мэр Новониколаевска // Вечерний Новосибирск. 2008. 23 декабря (URL: <https://vn.ru/news-96038/>).

курентная». Первая относится к деятельности государственных институтов и их служащих, вторая — к партийным и общественным деятелям, депутатам Думы, находившимся в жёсткой конкуренции и вынужденных постоянно совершенствовать, развивать и внедрять новые формы и методы своей работы. Если деятели «бюрократической» практики нацеливались на работу в рутинном режиме и ориентировались на продолжение карьеры, делая ставку лишь на прямое начальство и первое лицо государства, то представители «конкурентной» — в большей степени уделяли внимание избирателям, широким слоям населения. Для этого им надо было работать с редакциями газет, журналов, с общественным мнением. Последнее требовало совершенно иных знаний и навыков, форм работы и технологий, что вынуждало политических деятелей осваивать приёмы рекламы и пропаганды. В результате, когда данные практики столкнулись в «открытом бою», представители «бюрократической» школы оказались крайне неэффективны и не смогли противостоять своим оппонентам.

Представляется, что логику Булдакова можно объяснить следующими обстоятельствами. Отрицая «не проходящий зуд видеть Февральскую революцию непременно “управляемой”»³¹, утверждая, что «российский революционный кризис носил стихийный, а отнюдь не управляемый сверху характер», автор констатирует: существующую политическую историю надо сдать в утиль или переписать. Но сделать это следует с точки зрения людей той эпохи, другими словами, нужно понять человека, находившегося внутри «революционного хаоса». Для этого, считает исследователь, необходимо в первую очередь выйти на изучение источников личного происхождения, провинциальную историю революции. Понятно, что при таком подходе отпадает целый ряд неудобных вопросов, в том числе и о «руководстве из центра». Однако факты свидетельствуют об обратном: основные события разворачивались в столице. Только через пять дней революционная волна докатилась до Москвы (причём все известия шли из Петрограда) и много позже — до других регионов страны³².

Разумеется, не следует полностью исключать элемент стихийности в событиях хотя бы потому, что далеко не все их участники обладали полнотой информации. Они были далеки и от центра принятия решений, и от лидеров и руководителей, не зная и не понимая их замыслов, поэтому обстановка в стране в 1917 г. вполне могла восприниматься как стихия. Кроме того, случайность, считают современные исследователи, имеет такой же статус, как и закономерность.

Многие положения и выводы Булдакова являются бесспорными. Например, что предложенный им подход призван опираться не столько на видимое, сколько на скрытое, исходить из того, что решающее значение имело не то, что было, а как это казалось и воспринималось, и что в экстремальных ситуациях решающее значение приобретают не «объективные» показатели, а субъективные представления людей о происходившем. Считаю важным отметить, что при изучении истории революции необходимо уйти в понимании тех событий от двух крайностей, — либо стихия, либо заговор. Нужно исследовать организационно-управленческий аспект революции с точки зрения функционирования и деятельности горизонтальных, сетевых структур, их форм и методов работы, уделяя особое внимание применению ненасильственных методов революцион-

³¹ Булдаков В.П. Красная смута. С. 119.

³² Бубликов А.А. Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника. М., 2016. С. 61; День. 1917. 5 марта.

ной борьбы. Серьёзного переосмысления требует и такой вопрос, как роль общественных (самодельных) организаций, действовавших в легальном поле и осуществлявших, по сути, «проект в проекте». Также необходимо тщательное изучение биографий основных участников революционных событий (включая предшествовавшие им периоды). Без этого нельзя понять смысл и логику действий и поступков, мотивацию, связи, уровень знаний и подготовки этих личностей. Иначе образы политиков значительно искажаются и представляются схематичными и порой примитивными³³, что сильно затрудняет понимание интересующей нас темы.

События февраля 1917 г. не являются проявлением действий стихии. Даже такое «ключевое» событие, как выступление «голодных женщин» 23 февраля, не было спонтанным. Накануне этого события, вспоминал старый большевик В. Каюров, на одном из собраний он убеждал женщин «воздержаться от частных выступлений». Значит, данные мероприятия заранее обсуждались и планировались³⁴. Нельзя также воспринимать февральские события как исключительно результат заговора³⁵ отдельных лиц или групп, кто бы это ни был (либералы, масоны, немцы, англичане и др.). В противном случае происходившее якобы не имело каких-либо глубинных социально-экономических, политических и иных причин, а являлось лишь результатом действий данных лиц или групп.

Согласно множеству исследований, в начале 1917 г. сложилась революционная ситуация, которая и привела к февральским событиям, и без неё никакие заговоры или конспирологические сценарии как привнесённые извне не были бы возможны. Февраль 1917 г. — лишь завершающая, решающая стадия в длительном, многолетнем противостоянии, в том числе и в системе отношений власть—общество. В конце XIX в. экономически окрепшая российская буржуазия активно претендовала на политическое участие, управление государством, так как её интересы либо учитывались не в полной мере, либо с нею вовсе не считались. Даже осуществлявшиеся в империи с 1905 г. политические реформы не разрешили данного противоречия. Его обострили, как, впрочем, и все кризисные явления в России, её неудачи на фронтах Первой мировой войны. Всё это активно стимулировало буржуазных политических лидеров к противостоянию с властью.

К осени 1916 г. буржуазия, убедившись, что не удастся достичь договорённостей с властью, была готова к её «штурму»³⁶. Активно используя имевшиеся ресурсы, в том числе и государственные, представители буржуазии создали целую сеть организаций (Земгор, ЦВПК и др.), через которые, используя легальные формы работы, занимались реализацией своих политических интересов. Противостояние и борьба, развернувшиеся в условиях «информационной революции»³⁷, фактически закончились в конце 1916 г. поражением действующей

³³ *Аврех А.Я.* Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 161—170; *Боханов А.Н.* Александр Иванович Гучков // Исторические силуэты. М., 1991; *Сенин А.С.* Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 63—103.

³⁴ *Каюров В.Н.* Дни февральской революции // Крушение царизма. СПб., 1986. С. 237.

³⁵ *Аронсон Г.Я.* Россия накануне революции. Исторические этюды. Монархисты, либералы, масоны, социалисты. N.Y., 1962. С. 109—143; *Катков Г.М.* Февральская революция. М., 2006; *Милиц И.И.* Метаморфозы масонской легенды // История СССР. 1980. № 4. С. 114—122; *Мультилу П.В.* Император Николай II и заговор 17 года. М., 2017; *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914. М., 1974.

³⁶ *Миллюков П.Н.* История второй русской революции. М., 2014. С. 304; *Миллюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 233—242.

³⁷ *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. С. 10, 17.

власти. Захват физического пространства оставался лишь делом времени, что и случилось в феврале следующего года.

Новизна революционной стратегии (по сравнению с другими, известными в прошлом) заключалась в том, что в то время использовались принципиально иные формы борьбы за власть и технологии достижения цели, — по сути, организация системы управления кризисом или система антикризисного управления. Преимущественно это были легальные, ненасильственные методы, невозжидистское движение через систему горизонтальных связей посредством формирования сетевых структур без иерархического центра управления. Но при этом ведущую организационно-техническую роль вплоть до 27 февраля играли структуры ЦВПК. Они действовали через лидеров Рабочей группы комитета, выступавших в качестве инициаторов создания Совета рабочих депутатов как в Петрограде, так и в других городах. Затем в «горячей фазе» событий (27 февраля — 3 марта) функцию «штаба революции» выполняла Государственная дума. Это была «думская революция», длившаяся до создания «третьемартовской системы»³⁸.

Безусловно, в рамках статьи невозможно привести и проанализировать все факты, которые опровергают бытующие в науке и массовом сознании представления о стихийности событий февраля 1917 г. и доказывают их организованный и спланированный характер. Они «сработали в нужное время в нужный час», так как для этого сложились объективные социально-экономические и политические предпосылки.

В целом статья Булдакова, несомненно, может стать неким фундаментом в поиске и формировании новых подходов к изучению истории Великой российской революции.

³⁸ См.: *Николаев А.Б. Думская революция...*